

Ленинградская группа XVIII века

На берегу одного из рукавов Невы в Ленинграде стоит желтое здание с небольшим куполом и колоннами по фасаду - очень типичных для европейского палладианства форм. Построил его архитектор-итальянец для таможенного ведомства - и с очень точным расчетом: ни подпочвенные воды, ни невские волны во время частых в городе наводнений не могли проникнуть и залить дорогие товары.

Позднее, когда в 1922 году в этом здании разместился Пушкинский Дом Академии наук СССР со своим собранием рукописей Пушкина, для них очень пригодилась водозащищенность этого здания.¹ В 1932 году Пушкинский Дом был переименован в Институт новой литературы Академии наук, позднее вместо этого слова появилось знаменательное слово русской, когда в столице, Москве, был создан под гордым названием Институт мировой литературы имени А. М. Горького. Но имя Пушкинского Дома, воспетое в стихах Александра Блока, сохранилось за домом на набережной Макарова (бывшая Тучкова).

С тридцатых годов по восьмидесятые в Пушкинском Доме трудились замечательные ученые, цвет русской филологической науки: Б. Л. Модзалевский, М. К. Азадовский, М. Гофман, Д. И. Якубович, В. Б. Томашевский, Ю. Г. Оксман, В. В. Гиппиус, В. М. Жирмунский, Б. М. Эйхенбаум, Г. А. Гуковский, П. Н. Берков, М. П. Алексеев, А. А. Смирнов, С. С. Мокульский, Н. Я. Берковский, Б. Г. Реизов и многие, многие другие.

Люди уходят, но есть нечто в атмосфере Пушкинского Дома, что способствует сохранности традиций честного служения науке, несмотря на то, что меняющаяся администрация часто бывает больше занята интригами и стремлением угодить высокому партийному начальству. И все же имя Пушкинского Дома произносится с уважением всюду, где есть слависты, а после второй мировой войны они появились во всех цивилизованных странах.

Для понимания всего дальнейшего нужна предварительная справка. Группа по изучению русской литературы XVIII века входила всегда в состав сектора новой литературы как подчиненный сектору научный организм.

Заведующий группой таким образом формально был подчинен заведующему сектором новой литературы, фактически же, поскольку группу, как правило возглавляли авторитетные и уважаемые ученые, все важнейшие вопросы деятельности группы они согласовывали непосредственно с дирекцией Института, обычно с заместителем директора, каковым в мое служебное десятилетие был сначала В. Г. Базанов, ставший позднее директором Института. Скажу сразу, что он относился к работе группы вполне доброжелательно, в отличие от своих предшественников и преемников. А поскольку мне приходилось обращаться к нему по многим вопросам текущей работы группы, то хочу вспомнить его добрым словом. Какие бы ни были у него свои человеческие недостатки и слабости, у него несомненно был интерес к

¹ «Литературная газета» в феврале 1987 года сообщила, что рукописи Пушкина в архивохранилище из-за резких колебаний температурного режима находятся под угрозой разрушения.

литературной науке и сочувственное отношение к тем сотрудникам Института и группы, которые добросовестно работали.

Группа существует (с вынужденными перерывами) с 1934 года.²

Подобного ей научно-исследовательского учреждения нет ни в Советском Союзе, ни в других странах, где славистика развилась и развивается очень интенсивно. Уникальность группы - в целенаправленности ее занятий и их систематичности, в количестве и содержании ее научных публикаций.

В условиях сложившейся в Советском Союзе к 1930-м годам системы организации исследовательской работы в гуманитарных науках группа занимает свое особое место и сохраняет внутреннюю структуру. Основным принцип этой структуры - группу всегда, на всех этапах ее многотрудного пути, как я уже говорил, возглавлял выдающийся ученый, признанный специалист по истории русской литературы XVIII века и, как правило, ученый с широким кругозором и превосходным знанием европейских литератур, с подлинной филологической культурой: А. С. Орлов, Г. А. Гуковский, П. Н. Берков, Г. П. Макогоненко, А. М. Панченко.

Группу возглавляли те, кому это право принадлежало только на основании их собственных научных заслуг, и это, естественно придавало всей работе группы строго научный характер и помогало ее сотрудникам успешно сопротивляться всякого рода конъюнктурному давлению, которому с особенной силой подвергались и подвергаются в Советском Союзе гуманитарные науки. При этом можно добавить, что никто из сменившихся за это время руководителей группы не был членом правящей в Советском Союзе партии, что позволяло им следовать в первую очередь велениям своей научной совести, хотя иногда под давлением общеинститутской администрации это было очень трудно, или даже невозможно.

Вторая особенность структуры группы - в ее состав всегда входило четыре штатных сотрудника, а сборники *XVIII век* и издания группы создаются с участием широкого круга исследователей Ленинграда, Москвы и других университетских городов.

Как появляются в науке о литературе таланты, которые действительно двигают ее вперед, а не повторяют заученное на университетской скамье? Тут, помимо природных данных, нужен еще толчок от самой литературы, внутри которой живут ее читатели и ценители.

Для того, чтобы наука о русском XVIII веке вышла из того жалкого положения, в котором она находилась на рубеже XIX-XX веков и превратилась в живую, пульсирующую область филологии, нужно было, чтобы произошел переворот в живой литературе эпохи. Ведь даже о Державине в самых солидных и распространенных *Историях русской литературы* тогда говорилось, что его поэзия сохраняет только исторический интерес и ценность ее в документальном изображении жизни, а не в ее художественном совершенстве.

Поэты, а не ученые начала нашего века восприняли многое из поэзии XVIII века как близкое и живое. В творчестве символистов Валерия Брюсова и Вячеслава Иванова получила прямое отражение высокая одическая речь поэтов XVIII века. Футуристы

² См.: Берков П. Н. Введение в изучение истории русской литературы XVIII века. Ч. 1. Л., 1964. С. 195-196.

Хлебников и Маяковский еще смелее символистов усваивали поэтический опыт XVIII века. Столетний юбилей Державина в 1916 году был отмечен общественным интересом к поэту. Именно в этой духовной атмосфере вырос и сформировался создатель русской науки о литературе XVIII века Григорий Александрович Гуковский (1902-1950). Он родился в Петербурге и там же кончил гимназию. Шестнадцати лет - в 1918 году - он поступил на славяно-русское отделение историко-филологического факультета Петроградского университета и окончил в 1923 году, когда факультет стал называться факультетом общественных наук. В университет Гуковский пришел с уже определившимся интересом к русской поэзии пушкинской и особенно предпушкинской эпохи. На формирование его эстетических представлений особенно повлиял хороший знакомый его отца А. Л. Волынский (1863-1926) - известный критик, знаток искусств, почетный гражданин города Милана за книгу о Леонардо да Винчи.³ Разговоры Волынского Гуковский запомнил на всю жизнь, а его старший брат Матвей (1898-1971) под влиянием Волынского занялся Леонардо да Винчи и стал виднейшим исследователем его научно-технических проектов.⁴

После университета, работая преподавателем русской литературы в средней школе (1923-1928), Гуковский продолжал свою исследовательскую работу. В течение 1923-1924 годов он написал те статьи, которые составили его первую книгу - *Русская поэзия XVIII века* (1927).

Г. А. Гуковскому не понадобилось и десяти лет, чтобы в своей первой книге представить такую картину поэтического движения XVIII века, к которой и до сих пор мало удалось добавить принципиально нового.

Установкой не только на знание, но и на *понимание* новая филологическая наука XX века отличалась от позитивистской науки XIX века, слишком часто довольствовавшейся регистрацией фактов и их эмпирической данности.

ОПОЯЗу принадлежит приоритет в формулировке новых задач филологии XX века. И студент Гуковский, конечно, не мог не испытать на себе влияния его методологии, но ближе всего ему оказался тот подход к поэтике в ее историческом развитии, который предложил в своих литературно-критических статьях и историко-литературных работах Виктор Максимович Жирмунский. Личная дружба и общность научной методологии позднее окрепла, когда они оба работали в 1923-1928 годах в Государственном институте истории искусств в Ленинграде на Исаакиевской площади, наиболее значительном научном центре за всю историю филологии XX века, позднее в Институте литературы Академии наук (Пушкинский Дом) и в восстановленном Ленинградском университете в 1934-1948 годах.

В книге *Русская поэзия XVIII века* частично отразились результаты предпринятого Гуковским фронтального исследования всей поэтической продукции русского XX века. Применяя методику анализа, предложенную в работах теоретиков ОПОЯЗа, Гуковский, подобно Жирмунскому, соединял ее с сознательным интересом к историческому движению литературы. Русский XVIII век, не такой богатый количеством имен и школ, как, например, немецкий, легче поддавался историко-литературному анализу. Гуковский не оставил без внимания ни одного имени, ни

³ *Волынский А. Л.* Леонардо да Винчи. СПб., 1900.

⁴ *Гуковский М. А.* Механика Леонардо да Винчи. М., 1947; Леонардо да Винчи. Л., 1967.

одного журнала середины XVIII века, о которых перестали упоминать даже специалисты. Там, где академическая наука видела только сумму индивидуальных починов немногих выдающихся литературных деятелей, Гуковский увидел процесс развития, показал движение поэзии, как результат напряженных поисков и острой внутрилитературной борьбы. В предисловии к своей первой книге он писал: «...оказывается, что начиная со времен пресловутой памяти Третьяковского, в России шла оживленная творческая поэтическая работа, шла борьба быстро сменяющихся литературных направлений; за корифеями выступали в поэзии целые группы мелких, иногда совсем теперь забытых, но в свое время известных поэтов. Пульс литературной жизни бился сильно, молодо. Вместо ожидаемого серого однообразия, открывается яркая картина столкновения различных поэтических систем, своих собственных, выросших на русской почве и создавших ряды произведений высокой ценности».⁵

Совсем молодой ученый подошел к внутренней динамике поэзии XVIII века с опытом человека XX-го, который видит и знает, куда шло поэтическое движение эпохи Ломоносова - Державина, «молодой, бодрой эпохи»,⁶ - и чем ему обязаны Пушкин и послепушкинская поэзия вплоть до наших дней.

К обширной стихотворной полемике, в которой академическая наука видела только отражение дурного характера Сумарокова, неуживчивости Ломоносова или обидчивости Третьяковского, Гуковский подошел как историк литературы и сделал очень важное открытие. Он показал, что эта полемика выражает всю остроту литературно-эстетических споров эпохи и что в ней всего ярче проявилась борьба школ и программ.

С особым вниманием и тщательностью он исследовал борьбу между школами Ломоносова и Сумарокова и объяснил до него не понятую литературную ситуацию середины XVIII века, когда, несмотря на несравнимость дарований Ломоносова и Сумарокова, к 1760-м годам победу одержал именно Сумароков.

Благодаря уже этой первой книге Гуковского, а потом и последующим, русская поэзия XVIII века превратилась в русском литературном сознании из пасынка в любимого ребенка, а позднее - в деятельного участника поэтического движения. Скажем, поэзия Иосифа Бродского органически связана со стилевой традицией XVIII века. Так, наука, получив первоначальный толчок от поэзии 1910-х годов, вернула XVIII век новым поколениям, и произошло возрождение «поэзии XVIII века к новой жизни».⁷

В той же книге и последовавших за ней статьях⁸ Гуковский предложил свое объяснение эстетического смысла и стилистических принципов русского классицизма в целом.

В 20-е годы XX века тенденция к упорядочению и унификации литературы на основе единственной - официальной - идеологии еще имела разные названия; лозунг социалистического реализма еще не был выставлен. Но контуры такой единой

⁵ Гуковский Г. А. Русская поэзия XVIII века. М., 1927. С. 5.

⁶ Там же. С. 6.

⁷ Там же.

⁸ Гуковский Г. А. К вопросу о русском классицизме. Состязания и переводы // Поэтика. IV. Л., 1928. С. 126-148; О русском классицизме. О подражаниях и заимствованиях // Поэтика. V. Л., 1929. С. 134.

одноликой унифицированности становились все отчетливее. И концепция русского классицизма, предложенная Гуковским, уже в 30-е годы читалась как зеркальное отражение унифицирующих тенденций советской эпохи, когда над всеми «тяготеет <...> идея единственного и достижимого абсолютного решения эстетической проблемы <...> Идея абсолютно прекрасного, свойственного какой-то единственной форме, дает мерилу всем произведениям <...>, поскольку важно в них лишь то, что более или менее приближается к абсолюту».⁹

Поэтому приемы и характер внутрилитературной борьбы XVIII века, как ее характеризует Гуковский, кажутся нам точным описанием литературной полемики РАПП со своими противниками:

«Писатели иной, чуждой школы были действительными врагами, литературными и даже не только литературными злодеями, а самая школа подлежала немедленному искоренению в порядке спасения национальной культуры. Ведь к эстетически ценному, должному, доброкачественному существует только один путь; все идущие другими путями - в лучшем случае невежды, слепцы. Об уважении к чужому индивидуальному эстетическому миру не может быть и речи. Упорствующие в ложных мнениях - самозванцы и еретики. Более того, так как истинный путь рационально доказуем, а рационалистическое мышление постулирует единство идейного мира для всех людей и доступность истины всякому сознанию, не может быть даже непонимания истинного пути, не говоря о различных художественных «правдах»; поэты ложного направления и их почитатели оказываются, следовательно, злостными совратителями; они - враги, литературные жулики, обманщики; их можно и должно бранить изо всех сил, и гнать всеми позволенными и, с точки зрения XIX века, непозволенными способами, вплоть до попыток прибегнуть к помощи власти».¹⁰

Вместе с другими «формалистами» Гуковский пережил разгром ГИИ в 1930 году и должен был решать проблему, в которой как-то странно были переплетены и смешаны вопросы идеологии и жизнеустройства в самом простом, практическом смысле. «Формализм», - если пользоваться этим термином при всей его неточности - в целом, как важное явление культуры, явился особой формой самозащиты от идеологического давления и бюрократического вмешательства в движение литературы. Субъективно формализм не был враждебен пореволюционной системе; более того, формализм был готов на сотрудничество с системой, но хотел при этом сохранить право на независимую работу мысли. С конца 1920-х годов внутренние и внешние причины заставляют формалистов задуматься над своими методологическими установками - менять их или уходить в более спокойные, более академические области филологии. Гуковский никогда не принимал опоязовские идеи стопроцентно, как и Жирмунский. Уже в одной из статей 1928 года он говорит о недостаточности имманентного анализа и считает, что необходим синтез, как мы бы сейчас сказали, синхронического и диахронического исследования литературы.¹¹

Свой отход от формализма в его опоязовском варианте Гуковский заявил в статье о книге Виктора Шкловского *Матвей Комаров, житель города Москвы* (1929).

⁹ Поэтика. IV. С. 134.

¹⁰ Поэтика. V. С. 52.

¹¹ Поэтика. IV. С. 126-127.

Шкловский в этой статье объявлялся вчерашним днем науки о литературе, когда-то выразившим «искания <...> научной и литературной мысли футуристической эпохи».¹² Теперь нужна другая методология, ибо наступает эпоха, «когда метод важнее материала».¹³

Свое представление о новой методологии Гуковский развил в докладе *Пушкин в марксистском литературоведении* (1931). Здесь была высказана мысль, определившая методологические принципы всей его последующей работы: «Литературный памятник, а тем более общее понятие стиля мы должны осознавать, как определенную структуру мировоззрения, выраженную словом».¹⁴

Переход к марксизму, как его понимал Гуковский, был единственно возможной формой сознания себя в новых исторических условиях и сохранения науки как дела жизни. В марксизме он для себя выделял диалектику в близкой к гегельянству интерпретации. Не социально-политическая теория марксизма, а возможность в марксистском изложении уловить историческую диалектику русской литературы - вот что стало, в представлении Гуковского, новой методологией историко-литературной науки.

«Автором» литературного произведения у формалистов оказывалась сама литература, неперсонифицированное определение той же истории. У социологов история в своем социальном облике в виде классов действовала независимо от автора и его личных вкусов или заблуждений.

И формалисты, и социологи видели в художнике, в его личности и судьбе только досадную помеху своим конструкциям. И те и другие создавали эстетические утопии, строго регламентированные нормативные поэтики со своими жанровыми системами и стилистическими нормами. Нормативность была одинаково сильна у пророков обеих сторон, только формалисты были людьми от литературы, а социологи - в лучшем случае от дореволюционной университетской науки, а в худшем - партийными журналистами.

Ситуация в науке существенно изменилась в начале 1930-х годов.

Свои новые методологические позиции Гуковский применил в книге *Очерки по истории русской литературы XVIII века* (1936). Книга имела характерный для 1930-х годов подзаголовок: *Дворянская фронда в литературе XVIII века*.

Созданная Гуковским в 20-е годы структурно-стилистическая концепция русского классицизма получила у него теперь историческое и социологическое обоснование.

Дворянская фронда была написана в 1930-1934 годах и потому несет на себе явственный отпечаток методологической переходности. Отказавшись от внеисторической методологии ОПОЯЗа, Г. А. Гуковский столкнулся с господством социологизма в советской марксистской историографии и литературоведении. Переходность методологии *Очерков фронды* в стремлении исследователя подчинить реальную историческую действительность XVIII века обязательным социологическим

¹² Гуковский Г. А. Шкловский как историк литературы // «Звезда». 1930. № 1. С. 198.

¹³ Там же. С. 192.

¹⁴ Цит. по: Макогоненко Г. П. Григорий Александрович Гуковский // «Вопросы литературы». 1972. № 9. С. 116.

схемам. Это видно из таких, например, формулировок: «Как и всегда, литература свою миссию выполняла, выполняла ее так, как этого требовали история и класс, данной литературой обслуженный».¹⁵ Сегодня это выглядит странно и неубедительно, но очень характерно для статей, которые имел в виду Гуковский, когда писал во вступительной статье к первому выпуску сборника *XVIII век*, подготовленному и выпущенному группой, первое открытое заседание которой состоялось 24 февраля 1934 году, о «горячих спорах», которые «вызвали появившиеся за последние три года работы, пытающиеся дать ответ на основной вопрос изучения литературы XVIII века, - вопрос о соотношении классовых сил, поскольку оно отразилось в идеологиях и словесном искусстве в частности».¹⁶

Эта дискуссия, ныне совершенно забытая, интересна и сама по себе, по своему конкретному содержанию, и как характерное выражение идеологической жизни первой половины 1930-х годов.

Автор одной из дискуссионных статей В. А. Десницкий утверждал, что «литература XVIII века должна быть подвергнута коренному пересмотру; в ней должны быть четко вскрыты ведущие и борющиеся классовые линии».¹⁷ Смысл этого «пересмотра» в том, чтобы показать, как в «противовес типам “верховой” дворянской культуры складывались типы и третьесословной культуры; складывались они в быту, искали себе выражения и в искусстве».¹⁸ В соответствии со своей общеисторической концепцией В. А. Десницкий предлагает прежде всего определить «классовую обусловленность» и «социальную направленность» писателя и его произведений. Поскольку статья Десницкого была предисловием к сборнику *Ироикомическая поэма* в «Библиотеке поэта», то определение «классового метода» собранных в сборнике произведений было ее ближайшей целью: «Буржуазная сущность ироикомической поэмы XVIII века дана нам не в паспортах ее создателей, а в ее общей социальной направленности, в ее стилевых особенностях, противопоставленных всему духу господствующей классовой культуры XVIII века».¹⁹ «Ироикомическая поэма В. Майкова формирует элементы какого-то нового классового стиля».²⁰

Другим участником дискуссии был Д. М. Мирский, который смотрел на русскую литературу XVIII века с точки зрения человека, обладающего обширным знанием европейской литературы, но, разумеется, сквозь призму марксизма: «В XVIII веке пересадку европейской литературной культуры на русскую почву облегчало то, что эта литература, уже буржуазная в своих жизнеспособных клетках, была еще вся проникнута инерцией феодального прошлого. Этот феодальный элемент, отмиравший и застойный, и был тем, за что русское дворянство зацепило западную литературу. Пересаженные на русскую почву разные элементы западной литературы оказались в новых соотношениях. Например, ода, застойный и омертвелый жанр на Западе, в

¹⁵ Гуковский Г. А. Очерки по истории русской литературы XVIII века. Дворянская фронда в литературе 1750-х - 1760-х годов. М.; Л., 1936. С. 12.

¹⁶ От редакции // XVIII век. М.; Л., 1935. С. 1.

¹⁷ Десницкий В. А. О задачах изучения русской литературы XVIII века // Ироикомическая поэма. Л., 1933. С. 30.

¹⁸ Там же. С. 28.

¹⁹ Там же. С. 44.

²⁰ Там же. С. 60.

России нашла необыкновенно благоприятную почву и оказалась ведущим жанром всей литературы».²¹ Возражая против историко-социологической концепции В. А. Десницкого, Д. Мирский пишет: «Десницкий называет представления об отсутствии классовой борьбы между дворянством и третьим сословием идиллическими и меньшевистскими. Мне кажется, что еще более идиллично и меньшевично представлять классовой борьбой то, что ею не является. Сближать русское “третье сословие” с французским есть проявление того же меньшевизма, который в 1905 году представлял русскую буржуазию активной революционной силой <...> В екатерининской России была классовая борьба, и далеко не идиллическая. Но она происходила совсем не там, а на полях битв пугачевцев с царскими войсками».²²

Признавая все-таки некоторые «безотносительно ценные художественные выражения XVIII века», к которым он относит Ломоносова и Державина, Мирский называет остальную дворянскую литературу одним из «отдаленных закоулков» прошлого.

Изучать же следует, - и в этом он видит основную задачу истории литературы, - «социально близкую нам» плебейскую и крестьянскую литературу, создание «предков рабочих и крестьян, ныне строящих бесклассовое общество».²³

При всех расхождениях между Десницким и Мирским в оценке исторического содержания русского XVIII века как эпохи, взятой в целом, их сближает пренебрежительное отношение к тому, что является важнейшим «художественным выражением» этого времени, к тому, что сохраняет эстетическое воздействие на протяжении столетий.

Мирский и Десницкий спорят о роли буржуазии («третьего сословия») в литературном движении эпохи, проецируя на нее проблематику XX века (Десницкий прикровенно, Мирский - прямо) и свободно распоряжаясь в своих схемах размещением социальных сил.

Г. А. Гуковский, который всегда в своей исследовательской работе опирался на свое всестороннее знание реальной литературы XVIII века, не предложил какой-либо новой социологической схемы и прямо не возражал ни Десницкому, ни Мирскому. Отвечая дискуссионцам, Г. А. Гуковский предложил вместо схем и концепций совсем иной подход к литературе XVIII века и иное, чем у его оппонентов, понимание ее общекультурного значения: «Мы должны открыть XVIII век для широкого читателя, для вузовца, для преподавателя школы, для рабочего, которого интересуют судьбы нашей литературы. Мы не можем удовлетвориться борьбой за научный подход к фактам XVIII века внутри науки; такая борьба будет бесплодна, пока мы не вынесем ее на трибуны научной мысли, в широкую печать». И далее он говорит, что нужен «поворот в общественном восприятии фактов этой литературы, когда читатель, считающий долгом культуры знать и любить Толстого, хорошо помнить Тургенева и Тютчева, прочтет и оценит Державина, Карамзина и Сумарокова».²⁴ Гуковский

²¹ *Мирский Д. П.* О некоторых вопросах изучения русской литературы XVIII века // Литературное наследство. № 9-10. М., 1933. С. 502-503.

²² Там же. С. 507.

²³ Там же. С. 509.

²⁴ *Гуковский Г. А.* За изучение восемнадцатого века // Там же. С. 319. Первоначально статья называлась «На защиту восемнадцатого века».

предлагал сначала узнать, а уже потом судить и, если надо, создавать схемы и концепции.

Статьи Десницкого и Мирского опрокидывали в прошлое России то представление о классовой борьбе, которое возникло как отражение действительной политической ситуации, создавшейся в годы гражданской войны, а затем намеренно использованной Сталиным для его «революции сверху» в 1929-1933 годах. Основной выход, который находил возможным сделать из критики вульгарного социологизма Г. А. Гуковский в 1937 году, было требование к исследователям XVIII века не сводить «значения и смысла данного писателя и произведения к его злободневному смыслу в его время и только. Дело, конечно, вовсе не только в том, что Сумароков, говоря о своих политических идеалах, хотел уколоть Екатерину II или графа Григория Орлова, хотел агитировать за идеи Панина и за идеи Монтескье, за пример Англии или Швеции. Дело прежде всего в том, что эти уколы и эта агитация были борьбой против существовавшего режима, были культурной, - не побоюсь сказать, - *просветительской пропагандой*, и в этом смысле могли выходить и выходили фактически за пределы чисто дворянской (помещичьей) идеологии. Конкретно-историческое изучение литературы прошлого не есть сведение ее только к интересам и волнениям этого прошлого, а есть понимание ее в перспективе исторического движения этого прошлого, и от него к настоящему, к нам, и в будущее, - в плане формулы Лейбница, так глубоко усвоенной Радищевым: *le présent est gros de l'avenir* - настоящее беременно будущим».²⁵

Гуковский хотел наполнить общие понятия «реализма» и «народности» конкретным историческим содержанием и показать, что развитие литературы есть самодвижение художественного сознания. Первым и блистательным опытом такого подхода к литературе была статья Г. А. Гуковского *У истоков русского сентиментализма*²⁶ о М. Н. Муравьеве, поэте и прозаике, к тому времени прочно забытом, хотя о нем вспомнил Пушкин в *Евгении Онегине*.

Но кроме интенсивной исследовательской работы у Г. А. Гуковского была его лекционная деятельность, и мне трудно сказать, которая из них была важнее для нас, его слушателей в 1930-е годы.

В университетской аудитории очень важна форма общения, которую избирает профессор. Гуковский свой первый университетский курс истории русской литературы XVIII века читал нам, и было ему тридцать три года. Это нас удивляло, но еще больше нас удивляло полное отсутствие дистанции между профессором и студентами, простота, легкость и непринужденность общения. Профессор не нес в себе торжественно свою науку, не становился на незримый пьедестал, а очень просто и естественно жил со своими героями, со своими поэтами XVIII века и с нами, его студентами, одновременно.

На его личности и в его поведении восстанавливалась и утверждалась связь времен, а как это было важно, может понять только человек, который вырос в

²⁵ Гуковский Г. А. Проблемы изучения русской литературы XVIII века // XVIII век. Сб. 2. М.; Л., 1940. С. 7-8.

²⁶ Гуковский Г. А. Очерки по истории русской литературы и общественной мысли XVIII века. Л., 1938. С. 235-314.

атмосфере ликующего разрыва с прошлым, со всей культурной традицией и привык повторять самонадеянные слова Энгельса о том, что пока еще была только предыстория человечества, а история начнется только при социализме.

Люди XVIII века в лекциях Гуковского жили своими страстями и своими интересами. Ломоносов презирал стихотворцев и прославлял науку, Сумароков ненавидел чиновников, Фонвизин умел найти смешное даже в незатворяющихся дверях соседского дома. У каждого из них была в жизни своя драма, свои радости и горести, свои удачи и провалы. И ничего из того, что их окружало, кроме царственной красоты города (окна аудитории выходили на Неву, а на другом берегу были видны Медный всадник, Адмиралтейство, Сенат, площадь, на которой разыгралась трагедия декабристов, Исаакиевский собор), уже не существовало, все безвозвратно ушло в прошлое, все заволочло туманной мглой, - как казалось нам тогда. Лет через пятнадцать, уже с военным и послевоенным опытом, увидел я, что не так уж много изменилось и что «дома новы, а предрассудки стары», и прошлое, притом не только восемнадцатый, а и шестнадцатый век, живет и в нас и с нами. Как писал радикальный русский публицист Шелгунов в 1860-е годы, в России нет новых вопросов, все вопросы старые, вечные и неразрешимые.

Тогда, в конце 1930-х годов, мы этого не понимали и об этом не думали.

Лекции Гуковского давали другое ощущение, они приближали нас к прошлому, а не прошлое к нам. Но и это было страшно важно. Мы получали материал для аналогий и методику мышления культурами, а не формациями и социологическими схемами, которыми до сих пор забивают головы советских студентов.

Пока осуществлялись перемены в советском литературоведении, а группа подготовила *XVIII век*, сборник 2 - ей был нанесен тяжелый урон - в 1937 году был арестован П. Н. Берков, и ему было предъявлено обвинение в том, что он немецкий шпион. Следователи старательно произносили его фамилию с ударением на втором слоге - Беркóв - германизируя ее.

Следствие непременно хотело добиться от П. Н. Беркова признания, что он был «заслан» в Советский Союз как немецкий шпион, но в его распоряжении не было никаких доказательств, кроме того факта, что он учился в 1921-1923 годах в Венском университете на отделении египтологии и Славянском факультете и был при этом членом австрийской компартии. Требовалось признание обвиняемого, и П. Н. написал обширное «объяснение», в котором назвал всех своих сообщников по шпионажу, места встреч с ними и т. п.

На некоторое время П. Н. оставили в покое, видимо, изучая этот обширный «документ», а когда обратились к раскаявшемуся «шпиону» за дополнительными сведениями, то он обратил внимание следователя на то, что все его «объяснение» построено на обыгрывании русского слова «липа», которое кроме названия дерева обозначает в русском языке обман, фальшь, подделку.

Все имена и названия в этом «объяснении» были производными от слова липа на многих языках. Там, например, упоминался русский город Липецк, главная улица Берлина *Unter den Linden* и т. п.

Пока следствие занималось разбором «объяснения», эпоха массовых арестов «Большого террора» окончилась. П. Н. Берков был в числе немногих счастливых, которых перемена в НКВД, смещение Ежова и приход Л. Берии застал еще на стадии

следствия. В конце 1938 года П. Н. Берков был освобожден и восстановлен на работе. В ходе следствия от него очень настойчиво добивались каких-либо показаний на Г. А. Гуковского, но так и не добились.

Именно во время вынужденного отсутствия П. Н. Беркова группе надо было участвовать в десятитомной *Истории русской литературы*, издание которой было предпринято по инициативе А. М. Горького. Г. А. Гуковскому пришлось пойти на известный риск - привлечь в качестве авторов своих учеников-аспирантов - Г. В. Битнер, А. М. Кукулевича, Л. И. Кулакову, А. В. Запцова, Г. П. Макогоненко. Ученики оказались к этому времени уже вполне зрелыми учеными: главы, ими написанные в 4 томе *Истории русской литературы*, получили очень хороший прием.

В 1940 году вышел второй выпуск *XVIII века*, в котором Гуковский писал о том, что было сделано группой, и о том размахе, который получило изучение русской литературы XVIII века со времени выхода *Литературного наследия* № 9-10: «И теперь уже никого не удивляют требования, выдвигавшиеся нами тогда (в 1932 году. - И. С.). Теперь уже никто, кроме каких-нибудь отсталых ретроградов не будет относиться к творчеству великих людей XVIII века как к курьезу, к пыльному экспонату кунсткамеры».²⁷ Теперь перед нашей наукой стоит задача создания «общей концепции» литературного развития в XVIII веке, - писал он в этой же статье.

В следующем, 1941 году, началась война с Германией. Война не только на пять лет остановила работу группы. В это время НКВД, не добившееся никаких показаний у П. Н. Беркова, осуществило свою первую акцию против Г. А. Гуковского. Его арестовали в блокадном Ленинграде в начале октября 1941 года, одновременно с В. М. Жирмунским. На этот раз оба отделались сравнительно легко, просидели около двух месяцев и были выпущены. Г. П. Макогоненко и я были у Гуковского дома сразу, как только мне стало известно о его возвращении - в конце ноября.

Тогда нам казалось, что арест Гуковского - это недоразумение и что растерявшиеся в непривычных условиях «органы» не знали, что им делать и потому, например, арестовали В. М. Жирмунского за то, что у него был план Ленинграда на немецком языке (!).

Гуковский оставался в Ленинграде до февраля 1942 года, когда снова началась эвакуация, и он вместе с университетом попал в Саратов. В Ленинград Гуковский вернулся в 1946 году. К этому времени вернулся из эвакуации П. Н. Берков и возобновилась работа группы. Был собран *XVIII век* № 3, сдан в издательство и набран. Он должен был выйти в 1948 году.

В тот самый год, когда Гуковский и Берков вернулись в Ленинградский университет, началось новое наступление по идеологическому фронту, чтобы законопатить ту маленькую форточку в Европу, которая приоткрылась во время войны. В 1946-1947 годах страна пережила одну из тяжелейших голодовок, а против голода, как считал Сталин, было одно средство - борьба с культурой. Начался ждановский культуркампф с его известными «постановлениями», анафемой Зощенко и Ахматовой и т. д. Несмотря на все усиливающийся недостаток кислорода, надо было работать.

В 1947 году добрались и до филологической науки. Уже партийная газета «Культура и жизнь» начала поход против великого русского ученого-филолога конца

²⁷ Гуковский Г. А. Проблемы изучения русской литературы XVIII века. С. 4.

XIX века Александра Веселовского и тех советских ученых, которые вслед за Веселовским считали сравнительно-исторический метод естественным подходом к художественному развитию человечества.

Веселовский и его наука были объявлены «буржуазными» и враждебными марксизму идеологическими явлениями. Пущено было в ход словечко «космополитизм», которое позднее стало боевым кличем погромщиков-антисемитов. Правительственный антисемитизм, кульминацией которого стало «дело врачей», начал заявлять о себе открыто именно в 1948 году.

Уже в книге *Пушкин и русские романтики* в 1946 году Гуковский писал, имея в виду, конечно, Пушкина: «Кучка благородных революционеров, людей книги, людей пафоса и индивидуально, субъективно убедительных идей, предстала ему как малый островок в безбрежном море народной жизни и косной государственности российской империи».²⁸ Здесь уже намечается путь к мысли о безусловном превосходстве коллективного сознания народа над индивидуальной идеей протеста, ибо это народное сознание сеть и субъект и одновременно объект истории, и воплощение исторической необходимости и ее выражение...

Принять это - значило допустить, что есть некий коллективный разум, который решает за человека — разум, которому понятна историческая необходимость, недоступная отдельной личности.

К 1949 году Г. А. Гуковский еще больше утвердился в этих мыслях. В нашу последнюю встречу он высказал их со свойственной ему вообще силой убежденности. Случилась эта встреча в конце февраля 1949 года, а в начале этого же месяца «Правда» дала сигнал в редакционной статье, и по всем городам, университетам, журналам и театрам развернулась яростная кампания травли «безродных космополитов».

Мы шли по Университетской набережной. Был сильный мороз, который на открытых просторах Невы и ее набережных всегда сопровождается лютым ветром, и от него не спасает никакая самая теплая шуба.

Мы очень давно не виделись и набросились на него с возмущенными возгласами по поводу этой статьи в «Правде» и ее последствий.

Гуковский пытался найти какое-либо историческое оправдание тому, что происходило в стране. «Вы ничего не понимаете, - сказал он нам, - ведь это поворачивается колесо, истории!» Я довольно сердито сказал ему, что колесо не останавливается и будет поворачиваться дальше. «По нашим костям!» - добавила моя спутница.

Мы расстались, так и не найдя общей точки. Больше мы его не видели.

А кровавое колесо истории поворачивалось. С января 1949 года мы ждали ареста и, как свойственно многим, надеялись, что пронесет. 6 апреля мою жену и меня арестовали. Обстоятельство это, важное, в основном, для нас, я упоминаю потому, что по этой причине я не мог присутствовать в середине апреля на большом (общеуниверситетском) ученом совете, где должна была решаться участь главных университетских филологов-космополитов, и на аналогичном заседании в Пушкинском Доме. И все, что происходило в Ленинграде и вообще на материке в 1949-1953 годах, дальше уже мне известно только по рассказам очевидцев. Ученый совет в данном

²⁸ Гуковский Г. А. Пушкин и русские романтики. Саратов, 1946. С. 293.

случае имел чисто зрелищное значение. Надо было показать студентам, которые переполнили зал, что их любимые профессора, все эти космополиты, несли им не науку, а духовную отраву, «лили воду на мельницу», осуществляли «идеологическую диверсию» и т. д. К позорному столбу были поставлены М. К. Азадовский, Г. А. Гуковский, И. П. Еремин, В. М. Жирмунский, Б. М. Эйхенбаум. Заранее были распределены роли между разоблачителями. Центральным моментом действия должно было стать, по замыслу его устроителей, разоблачение Г. А. Гуковского. Он заведовал кафедрой русской литературы, он был популярен у студентов, его место в филологической науке уже не могло быть оспариваемо, - по всем этим обстоятельствам удар наибольшей силы следовало нанести ему, и тогда русская литература на филологическом факультете была бы освобождена от еврейских рук...

Главные организаторы проработки и дирижеры заседания ученого совета, новый декан филологического факультета, Г. П. Бердников, и А. Г. Дементьев, тогда еще профессор факультета, но уже фактически ставший главным партийным эмиссаром Ленинградского обкома ВКП(б) по искоренению космополитизма, решили, что против Гуковского следует выпустить человека с ораторскими данными и близкого к Гуковскому лично и по научным интересам. Выбор пал на Г. П. Макогоненко, талантливого ученика Г. А. Гуковского, тогда, в 1949 году, молодого доцента. Хотя он и не был членом правящей партии, его вызвали в партбюро факультета и соответствующим образом проинструктировали...

Организаторы зрелища ждали, что Макогоненко, как и прочие ораторы, повторит весь набор фраз, которые полагалось высказать по адресу идеологических контрабандистов-космополитов.

Режиссеры действия рассчитывали еще на дополнительный эффект от выступления Г. П. Макогоненко: ведь он должен был совершить двойное предательство - разоблачить своего учителя и себя, как его ученика.

И Г. П. Макогоненко выступил, - но, к удивлению и гневу режиссеров постановки, он заговорил о слабостях советской историко-литературной науки вообще, о необходимости поднять ее методологический уровень, улучшить, заострить и т. д. Со свойственным ему красноречием оратор громил анонимных литературоведов, обрушивал весь запас ходовых словесных блоков и кончил, так и не назвав ни разу ни одного имени. Получился конфуз, которого, конечно, не ожидали. Срочно пришлось давать слово дополнительным разоблачителям, но они не были готовы, не умели говорить перед огромной аудиторией и провалили эту часть сценария.

Конечно, этот эпизод ничего не изменил в судьбе Гуковского. Он и все названные космополиты, за исключением И. П. Еремина, были уволены из университета, надо было искать работу, но пришло лето, и Гуковский с семьей уехал под Ригу отдыхать. Там он и был арестован.

Когда в начале 1960-х годов удалось добиться переследствия, то меня попросила З. В. Гуковская съездить и поговорить с одним из свидетелей обвинения Владимиром Днепровым (Резником), очень известным в Советском Союзе автором книг по философии современной литературы.

В молодости Резник был партийным деятелем, примыкал к «праволевацкой группировке Шацкина-Ломинадзе», отсидел свое, после отсидки жил в Саратове, потом вернулся в Ленинград и снова был арестован в конце 1948 года как космополит (вышел

он где-то в 1955-1956 году). Резник мне объяснил, что его таскали на допросы после тяжелейших сердечных приступов и что он, конечно, откажется от всех своих показаний против Гуковского, что он и сделал.

Другой свидетель обвинения, тот самый Г. П. Бердников, который председательствовал на «историческом» ученом совете, от своих показаний не отказался. В 1949 году он на следствии говорил о «теории стадиальности» как о самом прямом выражении космополитических, идеологически враждебных социализму взглядах Гуковского, как о враждебной диверсии американского империализма. Повторил он эти показания снова, нисколько не смущаясь тем, что теперь это может стать известно всем, кто помнит Гуковского, и что его общественная и научная репутация пострадает... Но Бердников ничего этого не боялся, и был прав.

С Бердниковым мы учились вместе на филологическом факультете пять лет (1934-1939) в одной группе, не то чтоб дружили, но и не враждовали. Человек он умный, и жизненный опыт научил его разбираться в людях и делать ставку наверняка. В университете ему мешала делать политическую карьеру посадка отца по какому-то «бытовому», то есть торговому делу. На войне он попал в одну из самых кровавых мясорубок Ленинградского фронта, был ранен, уцелел, вступил в партию. Вернувшись из армии, стал аспирантом профессора П. Н. Беркова, писал диссертацию о Чехове и стал делать политическую карьеру в обстановке 1946-1949 годов.

Г. А. Гуковский был популярен среди молодежи филологического факультета, и дом его был широко открыт для нас. Бердников в эти годы в доме Гуковского был своим человеком. Даже защиту своей диссертации он отмечал дружеской пирушкой у них. И все было очень хорошо до того момента, когда в 1948 году Бердников пришел к Гуковскому советоваться - принимать ли ему, только что защитившему диссертацию аспиранту, пост декана филологического факультета. «Вы сошли с ума, Георгий Петрович, - закричал на него Гуковский, - вы же невежественный человек, как вы можете об этом думать!» Не знаю, что ответил Бердников, но пост он принял, а обиду запомнил. Вероятно, помнит и до сих пор.

Не знаю, появляются ли у него сомнения, раскаивается ли он в своем предательстве. Скорей всего — нет. Он долго был на важном посту в отделе культуры ЦК КПСС, отказывался менять его на директорство в Пушкинском Доме, стал директором Института мировой литературы (в 1988-м его с директорства прогнали, и припомнили при этом Гуковского), членом-корреспондентом Академии наук СССР, которая ухитрилась не заметить и не включить в число своих членов ни Томашевского, ни Эйхенбаума, ни Проппа, ни Бахтина, ни Лотмана, не говоря уже о Гуковском. Он выпускал книгу за книгой — почему-то о Чехове, хотя, зная этого человека, не могу понять, зачем ему понадобился Чехов и что он в нем нашел. Возможно, конечно, что он самого себя считает жертвой бюрократической рутины, чеховским мечтателем, дядей Ваней, который вынужден трудиться на бездарного Серебрякова?

И все же в «деле» Гуковского осталось много загадочного. Сегодня даже мне, хорошо знакомому по собственному опыту с советской юриспруденцией 1949 года, как-то не верится, что «теория стадиальности» одна, сама по себе, обусловила арест Гуковского. Ведь одновременно был арестован Матвей Александрович Гуковский, который, конечно, был братом своего брата, но к «теории стадиальности» никакого отношения не имел...

Возможно другое - Матвей Александрович был близок к тогдашнему ректору Университета А. А. Вознесенскому, родному брату Н. А. Вознесенского, председателя Госплана, одного из самых страшных сталинских сатрапов военного времени. «Персона брата» - назвал ректора наш покойный друг, А. Г. Левинтон.

Когда в начале 1949 года «загрел» Н. Вознесенский и началось так называемое «Ленинградское дело» - последняя сталинская внутрипартийная чистка - был арестован ректор Вознесенский и, может быть, по своим отношениям к нему братья Гуковские.

Повторяю, все это только предположения, но я о них вспоминаю для того, чтобы читатель лучше мог себе представить, что делалось в Ленинграде 1949 года и почему Гуковский должен был погибнуть. Его надо было «изолировать», и это сделали по смехотворному, даже по тогдашнему времени, обвинению.

Третий выпуск *XVIII* века, уже набранный и сверстаный, был рассыпан в 1949 году, единственный экземпляр его сохранил П. Н. Берков. Группа была ликвидирована, но то направление, которое она дала исследованию русской литературы XVIII века, не иссякло. В первую очередь его продолжал осуществлять сам П. Н. Берков, выпустивший в 1951 году образцовое комментированное переиздание всех сатирических журналов Н. И. Новикова,²⁹ а также *Историю русской журналистики XVIII* века, до сих пор единственный по полноте и тщательности обзор русских журналов этой эпохи.³⁰ Главным трудом, осуществленным П. Н. Берковым в этот горестный для него, отмеченный арестом Г. А. Гуковского год, было создание *Истории русской комедии XVIII* века. Было жаркое лето, и, как вспоминала жена ученого, Софья Михайловна, Павел Наумович поставил стол в саду дачи, которую они снимали в Сестрорецке, под Ленинградом, и все лето писал *Историю русской комедии*, уходом в эту работу защищая себя от мерзостной обстановки, созданной в Ленинградском университете и вообще в советской науке так называемой борьбой с космополитизмом. Как бы бросая вызов своим явным и тайным недоброжелателям, П. Н. работал с необыкновенной даже для него энергией и творческим подъемом. В результате был создан монументальный труд, которому нет равного в современной славистике по охвату материала и четкости анализа всего русского комедийного репертуара второй половины XVIII века. Общий объем рукописи составил более тысячи машинописных страниц. Издательство Академии наук отказалось ее печатать в таком объеме. Так она и лежала в архиве ученого, пока незадолго до своей смерти, Павел Наумович не согласился на предложение издательства сократить свою книгу на одну треть. Мне и Н. Д. Кочетковой было известно со слов П. Н. Беркова, как именно он предполагал произвести доработку и сокращение своей монографии; без него этой необходимой, но трудной работой пришлось заняться мне. Я старался сохранить всю авторскую систему изложения и доказательств, весь научный сюжет книги и вполне достаточную аргументацию. Особенно бережно я отнесся к тем разделам *Истории русской комедии XVIII* века, которые основаны были на многолетнем изучении значительной части русского комедийного репертуара, до печати не дошедшего и сохранившегося в разных

²⁹ Сатирические журналы Н. И. Новикова. Ред., вступ. статья и комментарии П. Н. Беркова. М.; Л., 1951.

³⁰ Берков П. Н. История русской журналистики XVIII века. М.; Л., 1952.

архивохранилищах. Н. Д. Кочеткова осуществила очень важную часть нашей совместной работы над рукописью по сверке цитат и оснащению позднейшей библиографией, что обязательно бы сделал Павел Наумович сам, если бы ему пришлось готовить рукопись к печати. Рукопись была подготовлена к печати в 1975 году. В марте 1976 года я был уволен из Пушкинского Дома из-за того, что моя дочь уехала в Израиль. Получил я книгу П. Н. Беркова уже в Иерусалиме после ее выхода из печати,³¹ был очень рад, что в конце концов этот, может быть, самый важный труд ученого увидел свет. Я рассматривал свою работу над этой рукописью Павла Наумовича не как выполнение служебной обязанности, а как слабое выражение чувств уважения и признательности к нему. Поэтому я не без горечи увидел, хотя и был к этому готов, что моего имени среди тех, кто готовил книгу к печати, нет...

С наступлением в Советском Союзе «оттепели» после смерти Сталина стало возможно в 1955 году возобновить работу группы. В 1956 году я прошел по конкурсу в Пушкинский Дом несмотря на явное нежелание администрации. Но голосование ученого совета института было тайным, а на предварительном обсуждении очень хорошо рекомендовал меня П. Н. Берков, поэтому я собрал необходимое количество голосов и был зачислен сотрудником группы.

Нежелание администрации принимать меня на работу в Пушкинский Дом объяснялось не только пресловутым «пятым пунктом» - графой в советских анкетах, где указывается национальность (я - еврей), но и тем, что я только в 1954 году вернулся из лагеря, где должен был отбывать свой двадцатипятилетний срок за «антисоветскую пропаганду».

Чтобы современный читатель мог наглядно представить себе атмосферу страха, все еще сохранившуюся от сталинских времен, приведу только один пример: когда я, уже после конкурса и решения Ученого совета, пришел на рабочее заседание сектора новой литературы (куда входила группа как его часть), то одна из сотрудниц сектора, с которой мы проучились пять лет на одном отделении в университете и были всегда в очень хороших отношениях, даже дружеских, сказала мне: «Вы, пожалуйста, не садитесь со мной рядом на заседаниях сектора». Боялась она политической компрометации, а не чего-либо другого.

Все, что я далее буду писать о работе группы, основано на моих личных воспоминаниях и неизбежно будет субъективно, хотя я буду стараться избегать личных пристрастий в оценке людей и событий.

С 1956 по 1969 годы я работал в группе под руководством П. Н. Беркова, пользовался его полным доверием и выполнял в значительной степени организационную работу, то есть занимался сбором и редактурой статей для сборников *XVIII век*³² и других изданий группы, а также подготовкой ежемесячных открытых

³¹ Берков П. Н. История русской комедии. Л., 1977.

³² Под руководством П. Н. Беркова были выпущены следующие сборники трудов Группы и привлеченных ею сотрудников: *XVIII век. Сб. 3.* М.; Л., 1958, редактор П. Н. Берков; *XVIII. Сб. 4.* М.; Л., 1959, редактор П. Н. Берков; *XVIII век. Сб. 5.* М.; Л., 1962, редактор П. Н. Берков; *XVIII век. Сб. 6. Эпоха классицизма.* М.; Л., 1964, под ред. П. Н. Беркова и И. З. Сермана; *XVIII век. Сб. 7. Роль и значение литературы XVIII века в истории русской культуры. К 70-летию со дня рождения П. Н. Беркова.* М.; Л., 1966, ред. коллегия: Д. С. Лихачев, Г. П. Макогоненко, И. З. Серман; *XVIII век. Сб. 8.*

заседаний группы, которые как правило проходили под председательством П. Н. Беркова.

Только когда П. Н. Берков от нас ушел, мы, его ближайшие сотрудники, смогли отдать себе отчет в масштабах и значении того, что сделал он для науки о русском XVIII веке. Группа и сборники были постоянным предметом внимания и забот Павла Наумовича. Менялся состав участников сборника, ушли из жизни многие из тех, кто вместе с ним создавал первый сборник *XVIII век*, приходили новые поколения исследователей, теперь уже ученики учеников его принимают деятельное участие в разработке новых проблем, развивают традиции истории русской литературы XVIII века - и во главе всего этого движения неизменно оставался Павел Наумович.

С первых своих шагов в советской науке в середине 20-х годов Павел Наумович сумел органически соединить серьезное, продуманное отношение к новым методологическим принципам с переосмысленными традициями русской филологической науки XIX века, с ее последовательным историзмом, подкрепленным глубоким уважением к историко-литературной данности, к литературному факту, как бы ни было на первый взгляд невелико, ограниченно его значение.

С точки зрения П. Н. Беркова, литература нации создается не только почином гениев, а коллективным творчеством всей массы безымянных деятелей, так или иначе причастных к созданию национальной культуры. И не безликий «процесс», а пеструю, многосложную жизнь русской интеллигенции, выразительницы самосознания нации, считал он всегда подлинным предметом своего изучения. Вот почему рядом с Ломоносовым, Фонвизиним, Сумароковым, Радищевым мы находим в его работах исследования о совершенно неизвестных изданиях или прочно забытых литераторах XVIII века. Он с особенной любовью писал о тех, кто вооружает память нации материалами и пособиями, - о библиографах, составителях каталогов и, конечно, о своих товарищах по историко-литературным исследованиям.

К систематическому исследованию русской литературы XVIII века Павел Наумович обратился уже в своей кандидатской диссертации - *Ранний период русской литературной историографии, XVIII век и первая четверть XIX века*, защищенной им в 1929 году в Ленинграде. В этой диссертации ошутимо было принципиальное своеобразие его подхода к русской литературе XVIII века. Каждый факт, каждое литературное явление этой эпохи Павел Наумович понимал и оценивал как закономерно возникшую часть общемирового процесса культурного развития. Ученый универсальных историко-филологических знаний и интересов, Павел Наумович во многих областях нашей науки оставил о себе прочную память. Публикатор и текстолог, библиограф и автор работ по методике литературоведческого труда, фольклорист, историк театра - таков его исследовательский диапазон.

И все же среди этого обширного круга научных дисциплин особое место занимает история русской литературы XVIII века. От Симеона Полоцкого и до Карамзина нет сколько-нибудь заметного или почему-либо интересного деятеля

Державин и Карамзин в литературном движении XVIII – начала XIX века. Л., 1969, под ред. П. Н. Беркова, Г. П. Макогоненко, И. З. Сермана. Группа подготовила и выпустила также тематические сборники: *Проблемы русского Просвещения в литературе XVIII века.* М.; Л., 1961, под ред. П. Н. Беркова и И. З. Сермана; *Русская литература XVIII века и славянские литературы.* М.; Л., 1963, под ред. П. Н. Беркова и И. З. Сермана.

русской литературы XVIII века, о котором Павел Наумович не сказал бы своего всегда точного, дельного, свежего слова. Каждый историко-литературный факт, от сатир Кантемира до *Писем русского путешественника* Карамзина воспринимается им как выражение живых человеческих интересов, страстей и чувств людей XVIII века.

За всеми его работами живо ощущается личность ученого, с его неповторимыми чертами, с увлечениями, пристрастиями, с мужеством гражданина и борца. И потому научное творчество Павла Наумовича производит впечатление внутреннего единства, несмотря на обилие работ и поразительную широту их тематики.

В предисловии к своей докторской диссертации Павел Наумович писал: «У историков русской литературы сложилось традиционное представление о том, что настоящая литературная жизнь в XVIII веке возникает лишь в 1760-1770 годы и что до этого времени имеют место только личные интриги Тредиаковского, Ломоносова и Сумарокова (в разных комбинациях). Столкновения этих писателей между собой выводили из их личных свойств: тщеславия, завистливости, неуживчивости, вспыльчивости, скверного характера... Не замечали различного понимания задач искусства у отдельных спорщиков, не решались провести разграничительные линии между ними, предпочитали всех их относить к одной группе: писателей елизаветинской поры».³³

Уже в этих словах, хотя и в негативной форме, в критике предшествующей историко-литературной традиции высказано основное положение его собственной исследовательской методологии - требование безусловного и бескомпромиссного историзма в подходе ко всем литературным явлениям и фактам XVIII века.

Историзм в подходе к освещению и анализу литературных явлений у Павла Наумовича носил особый, ему лично свойственный характер. В разработке любой темы, большой или малой, он считал неременным долгом не только изучить историографию данной темы, но и высказать к ней свое отношение, отношение советского ученого, обладающего историческим опытом, которого, естественно, не могло быть у его предшественников, великих и малых работников русской академической науки.

Книга *Ломоносов и литературная полемика его времени* писалась в переломную для нашей науки эпоху, в период острой борьбы с вульгарным социологизмом.

Следы такого рода чрезмерной социологизации есть и в трудах П. Н. Беркова. И не для того мы вспоминаем о них, чтобы упрекнуть автора, но чтобы указать, как он, вопреки вульгарно-социологическому воздействию, не скрывал своего интереса к личностям русских писателей, к их индивидуальным судьбам, характерам, склонностям.

Своеобразие этой книги Павла Наумовича в том, что в ней в виде отдельных замечаний или наметок будущих исследований в примечаниях изложена программа последующих разысканий, программа, к сожалению, только частично осуществленная самим ученым.

П. Н. Берков всегда стремился идти в ногу со своим временем, отзываться на те проблемы, которые возникают в ходе развития мировой науки. С этой точки зрения

³³ Берков П. Н. Ломоносов и литературная полемика его времени. 1750-1765. Л., 1936. С. 1.

особую важность имеют его работы о Ломоносове 1960-х годов, особенно *Литературные интересы Ломоносова* (1962)³⁴ и *Проблема литературного направления Ломоносова* (1962).³⁵

Они связаны со спорами о барокко в русской литературе, которые начались на Западе и у нас с конца 1950-х годов, когда вновь стало предметом обсуждения место Ломоносова среди литературных направлений его времени и особенно его отношение к барокко.

Он напомнил нам о забытой, но чрезвычайно важной особенности русской и общеевропейской культуры XVII-XVIII веков - о латинской образованности, как основе всех гуманитарных наук и литературы того времени. Поэтому в объяснение литературной полемики Тредиаковского, Ломоносова и Сумарокова теперь Павел Наумович предлагает внести новый элемент - различие в истоках, разницу в воспринятых традициях: «Литературная подготовка Ломоносова и Тредиаковского, выросших, с одной стороны, на традициях прекрасно усвоенных материалов древнерусской письменности, а с другой, на традициях античной и новолатинской образованности, решительно превосходила дилетантскую в конечном счете подготовку Сумарокова и его учеников. И перед теми, и перед другими стояла почти в одно и то же время <...> одна и та же задача: усвоить новейшее литературное течение Запада, точнее - Франции и Германии. Но решали они ее по-разному в силу тех причин, о которых говорилось выше: традиции и подготовка были у них разные».³⁶

Так, Павел Наумович предложил новое объяснение внутренней борьбы в русском классицизме - объяснение, вытекающее из всей его прежней работы над Ломоносовым, но впервые так отчетливо и убедительно сформулированное. Ибо задача, которую ставил перед собой ученый в этой статье, - определить место Ломоносова в литературном движении его времени - не сводилась только к выяснению причин расхождений между Ломоносовым и Сумароковым, она требовала и объяснения возможностей их сближения, объяснения того, почему деятельность создателей новой русской литературы «была в целом направлена по одному пути: они усваивали то, что нужно было русской литературе на тогдашнем этапе ее развития, усваивали то, что впоследствии стало называться классицизмом, хотя сами, конечно, этого не подозревали».³⁷

Павлу Наумовичу появление и самое существование русского классицизма всегда представлялось историческим фактом огромного общекультурного значения, важнейшим звеном «процесса вхождения русской литературы в общеевропейское литературное развитие».³⁸

Не ставя себе целью характеристику явлений барокко в русской литературе середины XVIII века, Павел Наумович подкрепляет свою точку зрения на отношение Ломоносова к барокко анализом его теоретических высказываний, ранее в этой связи

³⁴ Берков П. Н. Литературные интересы Ломоносова // Литературное творчество Ломоносова. М.; Л., 1962. С. 14-68.

³⁵ Берков П. Н. Проблема литературного направления Ломоносова // XVIII век. Сб. 5. С. 5-32.

³⁶ Там же. С. 15.

³⁷ Там же. С. 31.

³⁸ Там же. С. 32.

не привлекавших внимание исследователей. Я имею в виду те слова Ломоносова в *Риторике*, в которых Павел Наумович видел прямое осуждение Ломоносовым «основного принципа поэтики барокко» - так называемого кончетизма. Как указывает Павел Наумович, Ломоносов в 130 параграфе «предупреждает своих читателей о необходимости соблюдения чувства меры при изобретении витиеватых речей, то есть предлагает избегать того, что в конечном счете составляет существо, душу барокко, как искусства маньеризма. “Но сие указываем, - пишет Ломоносов, - не с таким намерением, чтобы учащиеся меры не знали и последовали бы нынешним италийским авторам, которые, сиюсь писать всегда витиевато и не пропустить ни единой строки без острой мысли, нередко завираются”».³⁹

Столь резкое выступление Ломоносова против кончетизма, то есть против одного из основных стилистических принципов барокко, отмеченное Павлом Наумовичем в этой статье, чрезвычайно существенно, ибо остроумие и острый разум действительно являются боевыми лозунгами самых видных теоретиков барокко.

Ученый и его вклад в науку измеряются не столько новыми фактами и материалами, которые он сделал общим достоянием «ученой республики», как говорили в XVIII веке, - материалы могут устареть и замениться новыми, а факты примелькаться и уже не возбуждать к себе интереса, - гораздо интересней для развития науки в целом то, какие вопросы ставит ученый, какие перспективы дальнейших исследований он намечает.

В 1964 году Павел Наумович напечатал *Очерк литературной историографии XVIII века* как первую часть своего *Введения в изучение истории русской литературы XVIII века*. В предисловии к этому *Очерку* он писал: «Наиболее существенным разделом *Введения* является третий, содержание которого должна составить современная научная проблематика изучения русской литературы XVIII века».⁴⁰ Далее он поясняет, каков должен быть характер изложения в этой третьей части: «Целью его должно быть введение читателя в гущу тех спорных, нерешенных, по-разному понимаемых различными учеными вопросов, и не частных, а принципиальных общих, от соответствующей трактовки которых зависит современное состояние и определяются дальнейшие пути развития науки».⁴¹

Павел Наумович не написал этой книги — третьей части своего *Введения*, но целый ряд его работ, хорошо известных всем, кто интересуется историей литературы XVIII века, вводит читателя «в гущу спорных, неразрешенных вопросов» современной науки.

Программность - вот отличительное свойство основных историко-литературных работ Павла Наумовича 1950-1960-х годов. Каждая из них содержит не только результаты его собственных разысканий, но и указывает нашей науке пути и цели

³⁹ Там же. С. 22.

⁴⁰ Берков П. Н. Введение в изучение русской литературы XVIII века. 1. Очерк литературной историографии XVIII века. Л., 1964. С. 7.

⁴¹ Там же. С. 7-8. О П. Н. Беркове как ученом см.: Эйхенбаум Б. М. О П. Н. Беркове // XVIII век. Сб. 7. С. 3-4; Серман И. З. К портрету ученого // Там же. С. 5-9; Лихачев Д. С. Краткий очерк научной, педагогической и общественной деятельности П. Н. Беркова // Павел Наумович Берков (1896-1969). М., 1982.

дальнейших исследований, зовет к новым трудам и открытиям, освещает частную тему с точки зрения общих задач науки.

Для того, чтобы яснее представить себе, как направлял работу группы П. Н. Берков, я хочу остановиться на одном эпизоде из ее истории. По его предложению группа 20-21 октября 1959 года провела конференцию по проблемам русского Просвещения. Кроме сотрудников группы, в ней приняли участие Ю. М. Лотман, Г. П. Макогоненко, Г. М. Фридлендер, Л. И. Кулакова, А. В. Предтеченский, В. Н. Всеволодский-Гернгросс, Е. Г. Плимак и другие. В предисловии к сборнику ее трудов П. Н. Берков писал: «В предлагаемой вниманию читателей книге излагаются различные, иногда диаметрально противоположные точки зрения на существо и историю русского Просвещения XVIII века. Как отмечалось в прениях на конференции, именно это разнообразие воззрений свидетельствует о том, насколько актуальна и в то же время недостаточно разработана данная проблема. Задача конференции состояла не в том, чтобы сразу же прийти к каким-либо единообразным выводам, общеобязательным для всех, а в том, чтобы показать разные аспекты возможного изучения, открывая тем самым пути для дальнейшего плодотворного исследования вопроса».⁴²

Западному ученому такая постановка вопроса кажется естественной, иного подхода к научной проблеме он себе не представляет. И потому хочу обратить внимание моих читателей на то, что конференция происходила в 1959 году, то есть только через три года после XX съезда с его «секретным» докладом Хрущева; духовная жизнь в Советском Союзе, уже освободившаяся от многих «общеобязательных для всех»⁴³ догматических положений, получила, хотя и относительную, но все же свободу исследования, а не повторения и пережевывания цитат из классиков марксизма-ленинизма и делала первые самостоятельные шаги из области логических тавтологий и догматического упрощенчества, так сказать, навстречу к своему объекту - для нас, исследователей XVIII века, - к реальностям русской литературы и мысли XVIII века. Как на характерную черту эпохи укажу на сразу же возникавшее перед всеми участниками конференции идеологическое препятствие. Поскольку игнорировать прямые суждения «классиков» марксизма-ленинизма, а в данном случае Ленина, было по установившимся в советской идеологии законам невозможно, то все участники дискуссии добросовестно пытались найти какой-либо компромисс между исторической реальностью русского XVIII века и суждениями Ленина о русских просветителях 1840-1860-х годов, то есть о деятельности Белинского, Герцена, Чернышевского, Добролюбова, Писарева. Конкретная оценка просветителей с точки зрения большевистского политического экстремизма - антилиберализма - в советской науке получила все права догмата. Обойти его молчанием еще никто не решался, еще сильно было внушенное тридцатилетним правлением Сталина ритуальное почтение к каждому суждению «классиков». Поэтому без попытки так или иначе приспособить суждения Ленина к XVIII веку (о котором он не писал) в 1959 году еще никто обойтись не мог. И все же как только участники конференции переходили от общих, векового масштаба

⁴² Берков П. Н. Предисловие к кн. Проблемы русского Просвещения в литературе XVIII века. М.; Л., 1961. С. 4.

⁴³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 2. М., 1963. С. 472.

концепций к конкретным проблемам, к эпохам русской жизни или к деятельности отдельных писателей, обнаруживалось, что исследовательская мысль работает вполне самостоятельно и что у каждого ученого есть свой подход, свои идеологические критерии и свое понимание взаимоотношений, идеологии русского Просвещения и русской литературы XVIII века.

Я потому так подробно останавливаюсь на конференции 1959 года, что она надолго определила характер и направленность работы группы. Если проследить по итоговым статьям П. Н. Беркова в сборниках *XVIII век*, то можно заметить, как менялось направление работ группы и как влиял на эти изменения П. Н. Берков. Так, для конференции, созванной группой в декабре 1966 года и посвященной Г. Р. Державину и Н. М. Карамзину, П. Н. Берковым был написан доклад *Державин и Карамзин в истории русской литературы*.⁴⁴

Как видно из содержания доклада П. Н. Беркова, в целом его теперь занимает «определение подлинной исторической роли писателя в формировании общественного сознания»,⁴⁵ то, что сделал основным вопросом духовной жизни в Советском Союзе журнал «Новый мир», редактируемый тогда А. Твардовским. Так, несмотря на прекращение «оттепели», пользуясь тем, что в литературе XVIII века начальство не искало крамольных аллюзий, П. Н. Берков отстаивал то, что было в годы оттепели завоевано.

Поэтому в своем докладе (опубликованном посмертно) на конференции, посвященной творчеству и общественной деятельности Н. И. Новикова, П. Н. Берков объяснял уход писателя от государственной службы в журналистику как сознательное решение служить обществу, а не власти: «Утратив веру в то, что Екатерина и ее правительство способны и, главное, желают “исправлять нравы”, Новиков всю свою жизнь посвятил борьбе со злом, как оно ему представлялось. Менялись только формы борьбы <...> но борьба со злом оставалась у Новикова на всем протяжении его жизни единственным делом, и при этом источником зла представлялись ему прежде всего безнравственность, отсутствие прочных моральных убеждений и проистекающая отсюда, как он говорил, “развратность действий”».⁴⁶

В 1958 году сотрудниками группы стали Наталья Дмитриевна Кочеткова и Владимир Петрович Степанов, выпускники филологического факультета Ленинградского университета, оба ученики П. Н. Беркова, слушатели его лекций и участники его семинаров по русской литературе XVIII века. У каждого из этих, тогда еще совсем молодых людей, очень рано сложился свой круг интересов и определилась основная тема их исследовательской работы. В. П. Степанов начал свою работу с составления (вместе с Ю. Стенником) хорошо известного специалистам *Библиографического указателя по истории русской литературы XVIII века* под руководством П. Н. Беркова.⁴⁷

⁴⁴ См.: XVIII век. Сб. 8. С. 5-17.

⁴⁵ Там же. С. 6.

⁴⁶ *Берков П. Н.* Насущные вопросы изучения общественной позиции Н. И. Новикова // XVIII век. Сб. 11. Л., 1976. С. 11.

⁴⁷ История русской литературы XVIII века. Библиографический указатель. Сост. В. П. Степанов и Ю. В. Стенник. Под ред. с дополн. и предисл. П. Н. Беркова. Л., 1968.

В. П. Степанову принадлежит примерно три четверти объема этого указателя, замечательного по полноте, систематичности и строгости отбора научно значимого материала. Работа по составлению этого указателя потребовала от его составителей, по замыслу редактора П. Н. Беркова, не простой формальной регистрации, а внимательного прочтения всего обширного репертуара научной и научно-вспомогательной литературы за два с половиной столетия по XVIII веку. В результате Владимир Петрович Степанов стал обладателем редких по объему и систематичности знаний русской культуры и литературы XVIII и начала XIX веков. Он стал настоящим знатоком этого века в таком возрасте, когда обычно только начинается накопление таких знаний. Одной из первых реализаций этого запаса и отличной ориентировки в старых публикациях были комментарии и биографические очерки⁴⁸ о таких совершенно забытых авторах конца XVIII - начала XIX веков, «сведения о которых отсутствуют в историко-литературных справочниках», или тех авторах, «которые были забыты как литераторы».⁴⁹ Уже в этих биографических справках определился интерес В. П. Степанова к тем уровням литературной жизни, где с большей отчетливостью отражаются основные направления литературной борьбы и где литературное самоопределение имеет как правило эпигонский характер.

Исследование такого рода литературных отношений и судеб стало содержанием кандидатской диссертации В. П. Степанова, которую он писал долго, вызывая удивление своего научного руководителя, именно потому, что не хотел довольствоваться уже известными и довольно скудными материалами о своем «герое» - Михаиле Чулкове и его литературных взаимоотношениях, особенно его позиции в спорах 1769 года между «Всякой всячиной» и «Трутнем». Непредубежденный подход к людям и фактам XVIII века позволил В. П. Степанову избежать идеализации Чулкова и превращения его в «третьесословного» идеолога,⁵⁰ чем грешили даже такие острые исследователи, как Виктор Шкловский.⁵¹ Внимание к фактам и документам, равно как и непредубежденность подхода к ним, то есть подлинный историзм отношения исследователя к различным явлениям литературной жизни блистательно себя оправдал в изучении, казалось бы, давно и всесторонне исследованных отношений Н. И. Новикова в эпоху издания «Живописца» с Екатериной II.

От книги Афанасьева⁵² (1859) до монографий Анри Монье⁵³ и Гаррета Джонса⁵⁴, - исследователи рассматривают литературно-журнальные отношения между Новиковым и императрицей как безусловно враждебные. Такая их оценка стала общим

⁴⁸ См.: Стихотворная сказка (новелла) XVIII – начала XIX века. Вступ. статья и составление А. Н. Соловьева. Подгот. текста и примеч. Н. М. Гайденова и В. П. Степанова. Л., 1969.

⁴⁹ Там же. С. 604.

⁵⁰ Диссертация В. П. Степанова «М. Д. Чулков и русская проза 1750-1770 годов» защищена в 1972 году. Опубликована частично: *Степанов В. П.* Новиков и Чулков (литературные взаимоотношения). // XVIII век. Сб. 11. С. 49-76.

⁵¹ См.: *Шкловский Виктор.* Чулков и Левшин. Л., 1933.

⁵² *Афанасьев А. Н.* Русские сатирические журналы 1769-1774 годов. М., 1859; изд. 2-е. Казань, 1921.

⁵³ *Monnier A.* Un publiciste frondeur sous Catherine II. Nicolas Novikov. Paris, 1981.

⁵⁴ *Jones W.G.* Nikolai Novikov.

местом в науке. В. П. Степанов не выдвигал новых гипотез, он сопоставил факты и нашел новые документы. Привожу дословно это место из статьи В. П. Степанова: «Новиков начал “Живописец” завуалированным посвящением императрице как автору комедии *О время!*. Неудивительно, что вскоре он счел нужным поднести ей первые номера своего нового журнала <...> Это произошло или 31 июля 1772 года, или несколько ранее, так как в этот же день Козицкий (статс-секретарь Екатерины II. - И. С.) написал кабинет-секретарю А. В. Олсуфьеву письмо следующего содержания: “Ея императорское величество изволило высочайше указать мне отписать к Вам, чтобы Вы господину Новикову, который принесет к Вам сие письмо, приказали выдать двести рублей. Я исполняю повеленное”. При письме сохранилась записка от того же 31 июля, рукой Козицкого, с надписью “копия”. Она обращена непосредственно к Новикову: “Приложенное письмо отнесите сами, по надписи, кому оно надлежит, оно послужит к облегчению трудов ваших в издаваемых вами листах”. Не исключено, что текст записки воспроизводит словесное распоряжение Екатерины».⁵⁵

Новые материалы, опубликованные и прокомментированные В. П. Степановым, подтверждают, что Екатерина II одобительно отнеслась к общественной позиции «Живописца». Распоряжение о выдаче денег Новикову было сделано уже после публикации в журнале знаменитого *Отрывка из путешествия в*** И*** Т****. В свете этих данных вместо предположения Г. П. Макогоненко, что Новиков осуществил в «Живописце» новую тактику по отношению к Екатерине, то есть к правительству, - тактику «осторожности»,⁵⁶ следует подумать, не была ли эта «тактика» на самом деле новой «стратегией» Новикова, выражением изменившихся взглядов его на конкретные задачи сатиры⁵⁷?

Я так подробно останавливаюсь на тех выводах, которые можно сделать из «открытия» В. П. Степанова потому, что, насколько мне известно, в Советском Союзе о нем умалчивают и, вероятно, сознательно, так как иначе пришлось бы менять привычные представления о непримиримой борьбе Новикова с самодержавием...

Конечно, не каждая работа В. П. Степанова содержит факты или документы такого принципиального значения, но в каждой из них всегда есть новые факты и только на них он опирается, следуя давно высказанному предложению Г. А. Гуковского, что начинать надо с изучения, а не с концепций. Отмечу, что особое внимание В. П. Степанова привлекает то, что он определяет как «эстетические и идеологические разногласия писателей позднего классицизма, ставшие особенно очевидными после смерти А. С. Сумарокова».⁵⁸

⁵⁵ См.: Степанов В. П. Новиков и его современники. (Биографические уточнения). // XVIII век. Сб. 11. С. 217.

⁵⁶ Макогоненко Г. П. Николай Новиков и русское Просвещение XVIII века. М.; Л., 1951. С. 183-188.

⁵⁷ См.: Серман И. Литературная игра в сатирических журналах Н. И. Новикова, in Russian History. Histoire Russe, vol. 8. Paris, 1981. P. 348-353.

⁵⁸ См.: Степанов В. П. К истории литературных полемик XVIII века («Обед Мидасов») // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1976. Л., 1978. С. 131-146; Полемка вокруг Фонвизина в период создания «Недоросля» // XVIII век. Сб. 15. Л., 1986. С. 204-228.

Наталья Дмитриевна Кочеткова пришла в группу со своей темой - как исследователь творчества Н. М. Карамзина и его эпохи. Работу свою она вела под руководством П. Н. Беркова и до конца его дней оставалась самой верной его ученицей. Изучение или, вернее, интерпретация Карамзина в советском литературоведении строилась в 1940-1950-е годы на противопоставлении его как либерала и монархиста революционеру Радищеву. Только в эпоху «оттепели» произошла реабилитация Карамзина, в которой, наряду с Ю. М. Лотманом, Г. П. Макогоненко, П. Н. Берковым, приняла участие Н. Д. Кочеткова. Она была вполне солидарна с тем, что писал П. Н. Берков: «Объективная роль Карамзина в истории русской культуры, литературы и общественной мысли велика и плодотворна, как бы ни пытались ее унизить некоторые наши современники, видящие в нем только монархиста и крепостника».⁵⁹

Научная школа П. Н. Беркова внушила Н. Д. Кочетковой особую дисциплинированность исследовательского подхода к историко-литературному процессу. В первой опубликованной своей работе Н. Д. Кочеткова занялась исследованием проблем, долгое время остававшихся в тени, как бы забытых наукой в Советском Союзе. Как она сама формулировала: «...статья представляет собой попытку поставить две <...> проблемы: 1) связь масонства с просветительством, 2) литературные интересы масонов».⁶⁰

Тут необходимо указать, что русское масонство XVIII века, как очень важное направление философско-религиозных исканий русского общества, до сих пор находится не то чтобы под запретом, но вне сферы серьезного научного исследования. Более того, в целях политической пропаганды преувеличенные представления о деятельности русских масонов в XX веке применяются к масонству XVIII века и служат средством его компрометации. То, что сумела установить Н. Д. Кочеткова в своей работе о литературных взаимоотношениях московского круга масонов и Карамзина, до сих пор не получило продолжения ни в ее собственных работах, ни у других исследователей.

Масонство, после того как в Советском Союзе были уничтожены все масонские ложи, а масоны поголовно репрессированы, остается опасным идеологическим врагом, и о нем предпочитают молчать, если не появляется почему-либо необходимость в политической дискредитации масонства в целом как сионистской агентуры.

Не оставляя своих исследований Карамзина и русского сентиментализма в целом⁶¹, Н. Д. Кочеткова начала было изучение очень важного литературного жанра - ораторской прозы русских писателей XVIII века. Ее работы о Феофане Прокоповиче и Радищеве⁶² предлагают совершенно новое освещение во многом еще не ясных путей

⁵⁹ Берков П. Н. Державин и Карамзин в истории русской литературы конца XVIII – начала XIX века // XVIII век. Сб. 8. С. 178.

⁶⁰ Кочеткова Н. Д. Идеино-литературные позиции масонов 80-90-х годов XVIII века и Н. М. Карамзин // XVIII век. Сб. 6. С. 178.

⁶¹ Диссертацию на тему «Н. М. Карамзин и русская поэзия конца 80-х – первой половины 90-х годов XVIII века» Н. Д. Кочеткова защитила в 1964 году. В USA вышла на английском языке ее монография «Nocolay Karamzin». Boston Mass. 1975.

⁶² Кочеткова Н. Д. 1) Ораторская проза Феофана Прокоповича и пути формирования литературы классицизма // XVIII век. Сб. 9. Л., 1974. С. 50-80; Радищев и проблема красноречия в теории XVIII века // XVIII век. Сб. 12. Л., 1977. С. 7-28.

развития ораторской прозы в России XVIII века и ее влияния на поэзию и на жанры повествовательной прозы.

Временно, по-видимому, Н. Д. Кочеткова эту тему оставила. Мне неизвестны причины, по которым она вернулась снова к проблематике сентиментализма, тогда как ее наблюдения над ораторской прозой Радищева, например, вносят нечто существенно новое в истолкование стиля этого писателя.

Возможно, что новое обращение Н. Д. Кочетковой к литературе эпохи сентиментализма вызвано не только ходом ее собственных исследований, но и теми проблемами, которыми живет сейчас мыслящая часть интеллигенции. Одна из этих проблем - эволюция отношений писателя и читателя, отражающая дифференциацию культурных интересов и сопровождающаяся, по мнению некоторых критиков, исчезновением читающего человека как основной фигуры культурной жизни. Вольно или невольно, но суждения Н. Д. Кочетковой о роли чтения в характеристике персонажей звучит очень злободневно в 1987 году: «Одним из важнейших новшеств сентиментализма явилось возникновение нового типа героя - героя, в жизни и даже в судьбе которого чтение играет значительную, а иногда и определяющую роль».⁶³

После смерти П. Н. Беркова возникла неотлагательная потребность найти нового руководителя для группы. Тогдашний заместитель директора Пушкинского дома В. Г. Базанов вызвал меня к себе для обсуждения этого вопроса. Поскольку я к этому разговору был подготовлен, то без колебания предложил кандидатуру Георгия Пантелеймоновича Макогоненко. Базанов согласился, и с зимы 1969 по 1981 год Г. П. Макогоненко совмещал руководство группой с заведованием кафедрой русской литературы филологического факультета Ленинградского университета.

Г. П. Макогоненко в Ленинград приехал в 1930 году, окончив среднюю школу в Саратове, и начал работать на заводе «Красная заря», так как ему, сыну служащего, для того чтобы поступить в высшее учебное заведение, нужен был стаж работы на промышленном предприятии или, как тогда говорили, надо было «орабочиваться», «провариться в рабочем котле».

На заводе он вступил в комсомол уже как рабочий, что было совсем обычно. Но не вполне обычно было его решение поступить в 1933 году на годичные подготовительные курсы к филологическому факультету Ленинградского университета.

Филологический факультет Ленинградского университета в те годы, когда мы на нем учились, по странной прихоти судьбы и по счастливому стечению обстоятельств, стал источником высокой гуманитарной культуры для нескольких поколений молодежи. И это несмотря на то, что историческими вехами нашего университетского курса было убийство Кирова (1 декабря 1934) и пакт Сталина-Гитлера (23 августа 1939), а между ними набегали волны репрессий, одна другой страшнее. Эпидемия исключений из комсомола на факультете захватила в 1938 году Г. П. Макогоненко, но через полгода (по тем временам очень скоро!) он был восстановлен в своих комсомольских правах.

⁶³ Кочеткова Н. Д. Герой русского сентиментализма. 1. Чтение в жизни «чувствительного» героя // XVIII век. Сб. 14. Л., 1983. С. 121.

Пережитое и увиденное в эти годы навсегда отрезвило Г. П., лишило его каких бы то ни было иллюзий о возможности честной деятельности в «рядах» комсомола или коммунистической партии, хотя, казалось бы, ему при его энергии, трудоспособности и понимании людей партийность могла бы быть очень полезна. Но как беспартийный ученый он сумел сохранить ту относительную независимость, которая партийцу, особенно в сталинское время, была недоступна.

На факультете Г. П. Макогоненко, как и многие тогда, подпал под влияние Г. А. Гуковского. Г. П. стал его ближайшим учеником и последователем. Уже в 1940 году его первая статья (о *Путешествии* Радищева) была напечатана в сборнике *XVIII век, 2*, что тогда было большой честью для начинающего.

Война в блокированном Ленинграде заставила забыть на время о XVIII веке. Г. П. становится редактором радио и ведет передачи из осажденного города - *Говорит Ленинград*.

Осень - зиму 1941 года я работал в этой же радиоредакции. Голод и холод, полный паралич транспорта в огромном городе давили все сильнее, ослабляли физическую и духовную сопротивляемость. В этой обстановке Г. П. удивлял всех своей энергией, своей способностью добиваться, казалось бы, невозможного.

Вскоре я был мобилизован в армию, и с Г. П. мы встретились уже в 1945 году, когда он помог мне вернуться в Ленинград из эвакуации и снова поступить на работу на радио.

К этому времени Г. П. был уже женат на известной ленинградской поэтессе Ольге Берггольц, вместе с ней он писал очерки и драмы, но, по-видимому, понял, что истинное его призвание в той области, куда он пошел уже на университетской скамье вслед за Гуковским, - в русском XVIII веке.

В 1946 году Г. П. Макогоненко защитил кандидатскую диссертацию о Н. И. Новикове, стал доцентом филологического факультета Ленинградского университета, а через десять лет - доктором филологических наук за диссертацию *Радищев и его время*.

В Ленинградском университете Г. П. проработал более трех десятилетий профессором и, после смерти И. П. Еремина, заведующим кафедрой русской литературы, читал курсы по XVIII веку, по русской литературе первой половины XIX века и много десятилетий вел пушкинский семинар.

В «оттепель» 1956 года Г. П. снова потянуло к участию в жизни современного искусства - он согласился стать руководителем сценарного отдела киностудии Ленфильм. По его инициативе Ленфильм осуществил экранизацию романа Виктора Некрасова *В окопах Сталинграда*. Снятый при самом деятельном участии писателя фильм, названный *Солдаты*, стал большим событием в культурной жизни Советского Союза; его появление нас всех очень обрадовало, в нем впервые увидели русского солдата, изображенного правдиво, с любовью и пониманием, в полном соответствии с тем, как это было написано у Виктора Некрасова в его знаменитом романе.

«Оттепель» все время подмораживало, и ленинградское идеологическое начальство не долго терпело беспартийного Макогоненко на таком важном посту. Его заменили Бердниковым, о котором я уже говорил в связи с делом Гуковского.

Г. П. Макогоненко своей научной карьерой был обязан только самому себе, обаянию своей личности и своей привязанности к науке, как он ее понимал и какой

хотел видеть. Ни в студенческие годы, ни в годы своей профессуры и заведования кафедрой Г. П. Макогоненко не совершил ничего, что могло бы бросить тень на его честное имя. А ведь были всяческие соблазны, а в иные времена нужно было большое мужество, чтобы противостоять давлению властей. Я уже говорил о благородном и мужественном поведении Г. П. Макогоненко в антикосмополитическую кампанию 1949 года.

Его книги о Новикове⁶⁴, Радищеве⁶⁵ и Фонвизине до сих пор сохраняют свое значение в науке о XVIII веке по двум причинам: 1) каждая из них и все они вместе построены на основе последовательно продуманной системы представлений о русском Просвещении и о его мере проявлений в творчестве каждого из этих писателей. 2) Каждая монография оснащена значительным количеством историко-литературных фактов, как правило впервые введенных в науку Г. П.

Для русского XVIII века, который, в отличие от синхронных ему эпох в жизни Англии, Франции или Италии, очень беден источниками, то есть перепиской, мемуарами, журнально-газетной публицистикой, историографией, - тем более важно то, что предложил Г. П. Макогоненко в своих монографиях - будь то новые тексты или новое прочтение текстов, обойденных вниманием исследователей. В этом отношении особенно интересна книга о Новикове. Она вышла в один из самых мрачных годов сталинского правления, когда после шумного разгрома «безродных космополитов» в идеологии вообще, и в литературоведении в частности, какое-либо компаративное исследование было совершенно невозможно. Поэтому Г. П. Макогоненко был лишен возможности исследовать идеологические и литературные отношения Новикова вне русской культуры и его времени.

Основная заслуга этой книги в том, что в ней впервые Новиков представлен как писатель, литератор и публицист, вопреки установившемуся в науке мнению, что он был только издателем (редактором) выпускаемых им журналов. Г. П. Макогоненко внимательно перечитал журналы и другие периодические издания, выпускавшиеся Новиковым. Он, может быть, был первым исследователем, обратившим внимание на *Прибавления* в газете «Московские ведомости», в которых систематически и с глубоким сочувствием освещалась жизнь новой американской демократии и очень положительно оценивались ее деятели: Адамс, Джефферсон, Вашингтон.

Конечно, книга Г. П. Макогоненко носит на себе явственный отпечаток времени, когда ее автору нужно было, как говорят в Советском Союзе, «пробивать» ей дорогу в печать.

Высшая и прочувствованная оценка Новикова - просветителя дается в ней одновременно с общей отрицательной оценкой масонства⁶⁶, однако анализ всего, что делал до своего ареста в 1792 году Новиков, смысла и содержания его просветительской работы, внутренних отношений среди московских масонов позволило Г. П. Макогоненко выдвинуть и обосновать оригинальную точку зрения на

⁶⁴ Макогоненко Г. П. Николай Новиков и русское Просвещение XVIII века.

⁶⁵ Макогоненко Г. П. Радищев и его время. М., 1956.

⁶⁶ Макогоненко Г. П. Николай Новиков... С. 284.

особую позицию Новикова внутри московского масонства и русского масонства вообще.⁶⁷

П. Н. Берков присоединился в 1952 году к той оценке деятельности Новикова, которую предложил Г. П. Макогоненко: «...деятельность Новикова в московский период - это продуманная, планомерная пропаганда просветительских идей, самостоятельно выработанных идей *русского* Просвещения, имеющая целью всемерно расширить социальную базу для борьбы с самодержавием и - тем самым - крепостничеством»⁶⁸. В новейших работах о Новикове книга Г. П. Макогоненко встречает возражения из-за того, что в ней «на первый план выдвигалась чисто просветительская направленность новиковских изданий и затушевывалась, вплоть до полного отрицания, приверженность Новикова масонской идеологии».⁶⁹

Пока все эти проблемы не получили нового освещения в советской науке, а Г. П. Макогоненко не пересматривал своих взглядов на русское Просвещение, впервые им высказанных в книге о Новикове. В 1980 году он как бы подвел итоги своим изучениям XVIII века в книге, где ему принадлежит раздел, посвященный этой эпохе.⁷⁰ По его мнению, русское Просвещение XVIII века «...с 1760-х годов явилось первым идеологическим оформлением антифеодальной борьбы. Не буржуазия, а передовое дворянство выдвинуло из своей среды просветителей. Не буржуазным, а дворянским было это Просвещение, то есть прямым предшественником дворянской революционности».⁷¹ Далее сущность просветительского реализма в России XVIII века, который Г. П. Макогоненко ведет от Фонвизина, строится на противопоставлении его (русского просветительского реализма) - французскому: «Писатели (французские. - *И. С.*) провозглашали идеал добродетельной личности, а изображали семьянина - собственника; превознося великие духовные ценности человека, показывали самодовольного буржуа, занятого своим благополучием - семейным, имущественным; требовали свободы, и раскрывали, как реализована эта свобода в семейном очаге, в уютном мирке близких по крови людей, домашних вещей. Перед читателем и зрителем предстал <...> частный человек, равнодушный к окружающему миру, занятый собой».⁷²

Просветительский реализм в России, по убеждению Г. П. Макогоненко, был занят формулированием «нравственного кодекса», просвещением «развращенного сознания», открытием «истины», прямым выражением «идеала», «носителем которого и выступал положительный герой. Психологизм был противопоказан просветительскому реализму».⁷³ В другом месте Г. П. Макогоненко обосновывает своеобразие просветительского реализма особыми условиями развития национального характера: «Выпрямление» человека, возвращение к «природе», воспитание личности

⁶⁷ Там же. С. 300.

⁶⁸ Берков П. Н. История русской журналистики XVIII века. С. 390.

⁶⁹ Мартынов И. Ф. Книгоиздатель Николай Новиков. М., 1981. С. 72-73.

⁷⁰ Макогоненко Г. П. От классицизма к романтизму // Купреянова Е. Н., Макогоненко Г. П. Национальное своеобразие русской литературы. Очерки и характеристики. Л., 1976. С. 98-196.

⁷¹ Там же. С. 141.

⁷² Там же. С. 146.

⁷³ Там же. С. 164.

происходило в вулканической атмосфере нараставшей революционной борьбы. Русская действительность создавала и открывала спасительный для человека путь внеэгоистической самореализации».⁷⁴

Монография Г. П. Макогоненко о Радищеве появилась тридцать лет тому назад. За это время появилось в науке много очень ценного и заставляющего пересматривать, переоценивать, а иногда и отвергать то, что писал исследователь. И все же, перечитывая свою рецензию 1959 года на эту книгу, я не отказываюсь от того, что тогда о ней писал: «Книга Г. П. Макогоненко - серьезное, вдумчивое исследование, широко аргументированное и в общем свободное от предвзятых точек зрения. Автору действительно удалось показать Радищева вместе с его временем, его умение стать в просвещении наравне с веком».⁷⁵ Может быть, следовало тогда же указать, что некоторая предвзятость в книге все же есть, но она принадлежит не столько автору, сколько его (нашей) эпохе.

Когда Г. П. Макогоненко писал, что «политически характеризуя самодержавие и крепостничество, Радищев указывает, что путь изменения существующего несправедливого социального строя - революция, творимая крепостными крестьянами. Эта позиция и определила новую природу радищевской эстетики, новое содержание как индивидуального образа крестьянина, так и собирательного образа русского народа»⁷⁶ [76], - то в нем говорила знаменательная эпоха надежд - «оттепель» - ведь книга о Радищеве была сдана в набор через полтора месяца после XX съезда КПСС с его историческими разоблачениями мерзостей сталинского правления. И многое, что прояснилось нам за эти три десятилетия, тогда только смутно прозревалось. Вот почему эта книга Г. П. Макогоненко представляет интерес не только чисто академический, но и как документ эпохи, - а это можно сказать далеко не о каждом, даже очень основательном исследовании.

Я не могу здесь говорить о той части работы Г. П. Макогоненко, которая не имеет прямого отношения к XVIII веку, о его книгах, посвященных Пушкину 1830-х годов. Это не имеет отношения к работе его в группе, которая под его руководством выпустила несколько очередных сборников *XVIII век: 11. Н. И. Новиков и общественно-литературное движение его времени*. Редактор Г. П. Макогоненко. Ленинград 1976. Этот сборник организационно был подготовлен мною, и в него должна была войти моя статья о журналах Новикова, опубликованная в 1981 году уже за границей под названием *Литературная игра в журналах Новикова; XVIII век, 12. Радищев и литература его времени*. Ленинград 1977. Редактор Г. П. Макогоненко. Этот сборник также был подготовлен мною; его должна была открывать моя большая статья *Крестьянская тема у Радищева*. Текст ее пропал у того, кто взялся ее вывезти за границу; но в сборнике сохранилось написанное мною предисловие *От редакции*, и там говорится о необходимости нового подхода к крестьянской теме у Радищева, так пока никем не осуществленного, и о судьбе этой темы в литературе эпохи Просвещения.⁷⁷

⁷⁴ Там же. С. 162.

⁷⁵ Ценное исследование о Радищеве. В кн.: XVIII век. Сб. 4. С. 450.

⁷⁶ Макогоненко Г. П. Радищев и его время. С. 480.

⁷⁷ [Серман И. З.] От редакции. В кн.: XVIII век. Сб. 12. С. 4.

Также под редакцией Г. П. Макогоненко вышел внесерийный сборник (*Письма русских писателей XVIII века*, 1980) с его большой вступительной статьей - *Письма русских писателей XVIII века и литературный процесс*.

Не знаю, как именно был обставлен «уход» Г. П. Макогоненко из Пушкинского Дома. Предполагаю, хотя и не могу подтвердить это предположение документально, что намерение дирекции института избавиться от Г. П. Макогоненко, осуществленное в 1981 году, было связано с тем, что наши с ним давние дружеские и деловые отношения, начавшиеся еще в университетские годы, не были ни для кого секретом, а я был изгнан из института по «морально общественным мотивам» в марте 1976 года решением Ученого совета (см. выше - в связи с тем, что моя дочь уехала в декабре 1975 года в Израиль). Так как администрация не была вполне уверена, что предложение уволить меня соберет необходимое большинство на заседании Ученого совета, то были приняты экстраординарные меры: перед Ученым советом заседала его партийная фракция и обязала всех членов партии голосовать за мое увольнение. Об этом сказал мне по секрету перед заседанием Ученого совета Владимир Иванович Малышев, мой соученик по университету, широко известный среди славистов всего мира исследователь средневековой русской литературы, страстный поклонник протопопа Аввакума.

В. И. Малышев, как и все порядочные люди, был чрезвычайно огорчен гонением, которому я был подвергнут. На партфракции, где голосование было открытым, он должен был поднять руку «за» изгнание. На Ученом совете 29 марта 1976 года против моего увольнения голосовали семь беспартийных членов Ученого совета, в том числе академики М. П. Алексеев, Д. С. Лихачев. Тринадцать человек голосовало за исключение, один бюллетень был признан недействительным. В. И. Малышев, который давно и тяжело болел, через несколько дней умер. Думаю, что его больное сердце не выдержало этой гнусной истории.

Мои статьи, входившие в состав разных институтских изданий, были оттуда выброшены. Ссылки на мои работы или упоминание моей фамилии в институтских или других академических изданиях запрещены.

Отставленный от группы, Г. П. Макогоненко продолжал быть профессором Ленинградского университета и в основном занимался пушкинским временем. Его смерть в 1986 году заставила меня припомнить всю историю наших с ним отношений и как-то иначе, с общей точки, посмотреть на его жизнь, на итоги его работы в науке. Здесь я мог о нем говорить по необходимости сжато. От человека остается память о нем, о том, что он сделал хорошего; ученый продолжает жить в своих книгах. Г. П. оставил нам в своих книгах цельную и проникнутую единой мыслью картину русской литературной жизни второй половины XVIII века. Он писал эти книги так же, как жил - не жалея ни сил, ни времени, ни энергии, с размахом и увлечением. Так же он читал лекции, так вел себя в любом обществе. В его книгах кое-что уже устарело, не всегда можно согласиться с его пафосом. Сегодня молодые читатели могут быть недовольны тем, что вслед за Гукским и Г. П. Макогоненко, может быть, слишком односторонне интерпретировал литературу русского Просвещения XVIII века. Наука движется вперед вместе с духовным развитием породившего ее общества. Меняются и наши к ней требования. Но самый строгий критик еще и сегодня не может отказать книгам Г. П. Макогоненко в одном - в живом, в заинтересованном, иногда даже страстном

отношении к тем авторам, в общении с которыми прошла большая часть его жизни, - к Новикову, Фонвизину, Радищеву, Пушкину.

И пока такое впечатление от книг сохраняется, - они живы и жив их автор, несмотря на все возможные наши ему возражения.

Руководство группой, после увольнения Г. П. Макогоненко, было поручено Александру Михайловичу Панченко. Один сборник *XVIII век* вышел под редакцией Г. П. Макогоненко и А. М. Панченко⁷⁸, следующие - под редакцией А. М. Панченко.⁷⁹ [79]

Новый руководитель группы - замечательный знаток и исследователь русской культуры и особенно русской поэзии XVII - начала XVIII веков. Его приход в группу, вероятно, способствовал некоторой переориентировке ее интересов от второй половины XVIII века - к первой его половине и к петровской эпохе. Во всяком случае группа, как можно судить по сборникам *XVIII век*, ею выпускаемым, продолжает работать в том духе и в тех научных традициях, которые сложились в ней еще в 1930-е годы, в традициях Г. А. Гуковского и П. Н. Беркова.

Я писал не историю группы. Мне хотелось напомнить о тех, кто в группе работал, кто мужественно был верен науке, кто внес свою долю усилий в изучение сегодня, по-моему, незаслуженно третируемого некоторыми русского Просвещения XVIII века. Модное в последние два десятилетия представление об изначальной кризисности и ущербности просветительских идей опровергается самым простым способом - стоит только вместо схем обратиться к русской литературе XVIII века, смысл и пафос которой не может быть понят вне идей Просвещения.

Прямо или косвенно этому служила и служит и группа по изучению русской литературы XVIII века.

Публ. по изд.: *Серман И.* Ленинградская группа XVIII века // Россия / Russia (Venezia). 1989. № 6. С. 145–177; несколько сокращенная версия статьи, напечатанной первоначально на итальянском языке: *Serman I.* Il Gruppo Leningradese per lo studio del XVIII secolo // *Rivista storica italiana*. Anno XCIX. Fascicolo III. 1987. P. 619–673.

⁷⁸ XVIII век. Сб. 13. Проблема историзма в русской литературе. Конец XVIII – начало XIX века. Л., 1981. Для этого сборника была предназначена моя статья «История и утопия в русской общественной мысли и литературе XVIII века». Ее постигла общая судьба: она была мне возвращена, и я опубликовал ее, см.: «*Slavica Hierosolimitana*». 1981. Vol. V-VI. P. 81-98.

⁷⁹ XVIII век. Сб. 14, XVIII век. Сб. 15. Русская литература XVIII века в ее связях с искусством и наукой. Л., 1986.